

ОТ РЕДАКЦИИ. В начале романа в новеллах "Тысяча и один призрак" (1831) автор скромно говорит о себе:

"Александр Дюма, драматический писатель, двадцати семи лет, живу в Париже, на Университетской улице, № 21..."

"Три мушкетера" (создать нечто подобное — мечта каждого писателя!) будут написаны только через 13 лет. Молодого автора пока волнует другое — нравственная оценка такой близкой по времени Французской революции. В своем романе он выносит ей беспощадный приговор, предвосхищая Гюго и Франса.

Вот почему этот роман никогда не издавался у нас после Октябрьской революции, кичившейся своим убийственным родством с Французской. Действительно, как похожи друг на друга все революции, сколько перекличек между революционными эпохами! Роман, написанный 160 лет назад, актуален сегодня. Печатаем из него с незначительными сокращениями главы "Пощечина Шарлотте Корде", "Соланж" и "Альберт".

...Ледрю начал:

Я сын известного Комю, физика короля и королевы. Мой отец, которого из-за смешной клички причислили к фиглярам и шарлатанам, был ученым школы Вольты, Гальвани и Месмера. Он первый во Франции занимался туманными картинками и электричеством, устраивал математические и физические симпозиумы при дворе.

Бедная Мария-Антуанетта, которую я видел 20 раз, которая часто брала меня на руки и целовала — я был тогда ребенком, — была безумно расположена к моему отцу. Во время приезда своего в 1777 г. Иосиф II сказал, что не видел никого интереснее Комю.

Отец мой тогда между другими занятиями занимался также воспитанием меня и моего брата; он обучал нас опытным наукам, сообщал нам массу сведений из области физики.

рубашка, которую надел на нее палач, придавала ей странный вид и особое величие этой гордой, энергичной голове. Когда она подъехала к площади, дождь перестал, и луч солнца, прорвавшись среди двух облаков, светился в ее волосах, как ореол.

Клянусь вам, что хотя эта девушка была убийца, совершила преступление и хотя я ненавидел это убийство, я не мог бы тогда сказать, был ли то апофеоз или казнь. Она поблелела при виде эшафота; бледность особенно оттенялась благодаря красной рубашке, которая доходила до шеи. Но она тотчас же овладела собою, повернулась к эшафоту и смотрела на него улыбаясь.

Тележка остановилась. Шарлотта соскочила, не допустив, чтобы ей помогли сойти; потом поднялась по ступеням эшафота, скользя от толпы. Она пошла так

какая-нибудь из этих голов закричала бы: "Да здравствует король!"

Я узнал теперь, что хотел знать. Я вышел, преследуемый одною мыслью: действительно ли эти головы продолжали жить, и решил убедиться в этом.

...Через несколько секунд Ледрю продолжал:

— Я вышел из Аббатства, я пересекал площадь Таран, чтобы направиться на улицу Турнон. Вдруг услышал женский голос, звавший на помощь. То не были грабители: было едва 10 часов вечера. Я побежал на угол площади, где раздавался крик, и увидел при свете луны, вышедшей из облаков, женщину, отбивавшуюся от патруля санкюлотов.

Женщина также увидела меня и, заметив по моему костюму, что я не совсем из народа, бросилась ко мне с криком:

— А, вот же Альберт, я его знаю, он вам подтвердит, что я дочь тетки Ледие, прачки!

Бедная женщина, бледная и дрожащая, схватила меня за руку и вспилась, как хватается утопающий за обломок доски.

— Пусть ты дочь тетки Ледие, это твое дело, но у тебя нет пропуска, и ты пойдешь за нами на гауптвахту!

Женщина стиснула мою руку. Я понял в этом пожатии ее ужас и просьбу. Я понял.

Она назвала меня первым именем, пришедшим ей в голову, я назвал ее именем, какое придумал.

— Как, это вы, моя бедная Соланж! — сказал я ей. Что с вами случилось?

А, вот видите, госпожа! воскликнула

за нее? О ком говоришь ты?

— Об этой женщине, черт побери!

— За него, за нее, за всех, кто с ним Доволен?

Доволен, сказал сержант, особенно тем, что повидал тебя.

— А, черт возьми! Это удовольствие я мог доставить тебе даром. Смотри на меня сколько хочешь, пока я с тобою.

Благодарю. Отстаивай, как ты это дела до сих пор, интересы народа и будь уверен, народ это оценит.

Конечно! Я на это рассчитываю! — сказал Дантон.

— Можешь ты пожать мне руку? — продолжал сержант.

— Отчего же нет!

И Дантон подал ему руку.

— Да здравствует Дантон! — закричал сержант.

— Да здравствует Дантон! — повторил патруль.

И патруль ушел под командой своего начальника. В 10 шагах сержант обернулся и размахивая своей красной шапкой, прокричал еще раз: "Да здравствует Дантон!". И его люди повторили этот возглас.

Я хотел поблагодарить Дантона, но его несколько раз окликнули по имени из помещения клуба.

— Дантон! Дантон! — кричало несколько голосов. — На трибуну!

— Извини, мой милый, — сказал он, — ты слышишь, жму руку и ухожу. Я подал сержанту правую руку, тебе поцелую левую. К

Александр ДЮМА

ПОЦЕЛУЙ МЕРТВОЙ ГОЛОВЫ

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ ДЮМА-ОТЦА

гальванизма, магнетизма, которые теперь стали всеобщим достоянием, но в то время составляли тайные привилегии немногих. Моего отца арестовали в 93-м г. за титул физика короля, но мне удалось освободить его благодаря моим связям с монтаньярами.

Тогда мой отец поселился в этом самом доме, в котором я теперь живу, и умер здесь в 1807 г. 76 лет от роду.

Теперь обратимся ко мне.

Я говорил о моей связи с монтаньярами. Я был в дружбе с Дантоном и Камилем Демуленом. Я знал Марата, но как врача, а не как приятеля. Все-таки я его знал. Вследствие этого знакомства, хотя и очень кратковременного, когда мадемуазель Шарлотту Корде вели на эшафот, я решил присутствовать при ее казни. Я был очевидцем, и вы можете мне верить. В 2 часа после полудня я занял место у статуи Свободы. Было жаркое июльское утро, было душно, небо предвещало грозу.

В 4 часа гроза разразилась. Говорят, что именно в этот момент Шарлотта села в тележку.

Ее взяли из тюрьмы в то время, когда молодой художник рисовал ее. Ревнивая смерть не захотела, чтобы что-либо сохранилось от молодой девушки, даже ее портрет.

На полотне сделан был набросок головы, и — странное дело! — в ту минуту, когда вошел палач, художник как раз набрасывал то место шеи, по которому должно было пройти лезвие гильотины.

Молния сверкала, шел дождь, гремел гром. Ничто не могло разогнать любопытную толпу. Набережная, мосты, площади были залиты народом, шум земли почти покрывал шум неба. Эти женщины, которых прозвали "лакомки гильотины", преследовали ее проклятиями, и до меня доносился гул ругательств, словно гул водопада.

Толпа волновалась уже задолго до появления осужденной. Наконец, как роковое судно, появилась тележка, пересекая волну, и я увидел осужденную, которой не знал и раньше никогда не видал.

То была красивая девушка 27 лет, с чудными глазами, с правильно очерченным носом, с удивительно правильными губами. Она стояла с поднятой головой не потому, что хотела высокомерно оглядывать толпу: ее руки связаны были сзади, и она вынуждена была поднять голову. Дождь перестал, но так как она была под дождем три четверти дороги, то вода текла с нее, и шерстяное платье обрисовывало очаровательный контур ее тела; она как бы вышла из ванны. Красная

скоро, как только позволяли длина волочившейся рубашки и связанные руки. Вторично поблелела, почуя руку палача, который коснулся ее плеча, чтобы слернуть косынку с шеи. Но улыбка скрыла бледность, и она сама, не дав привязать себя к позорной перекладине, в торжественном и почти радостном порыве вложила голову в ужасное отверстие. Нож скользнул, голова отделилась от туловища, упала на платформу и подскочила. И вот тогда, слушайте, доктор, слушайте и вы, поэт, тогда один из помощников палача, по имени Легро, схватил за волосы голову и из низкого желания подольститься к толпе дал ей пощечину. И вот, говорю я вам, от этой пощечины голова покраснела. Я видел сам, не щек, а голова покраснела, слышите вы? Не одна щека, по которой он ударил, обе щеки покраснели одинаково, чувствительность жила в этой голове, она негодовала, что подверглась оскорблению, которое не входило в приговор.

Народ видел, как голова покраснела. Народ принял сторону мертвой против живого, казненной против палача. Тут же толпа потребовала мести за гнусный поступок, и негодая передан был жандармам, которые отвели его в тюрьму.

Я хотел знать, какое чувство руководило этим человеком.

Я узнал, где он находится, попросил разрешения посетить его в Аббатстве, получил это разрешение и отправился к нему.

Приговором революционного суда он приговорен был к трем месяцам тюрьмы. Он не мог понять, почему его осудили за такой обыденный поступок, какой он совершил.

Я спросил, что его побудило совершить этот поступок.

Ну, — сказал он, — вот еще вопрос! Я приверженец Марата, я наказал ее во имя закона, а затем — и за себя.

— Неужели вы не поняли, что, нарушив уважение к смерти, вы совершили почти преступление?

— А, вот еще! — сказал Легро, пристально глядя на меня. — Неужели вы думаете, что они умерли, потому что их гильотинировали?

— Конечно.

— Вот и видно, что вы не смотрите в корзину, когда они там все вместе; вы не видите, как они ворочают глазами и скрежещут зубами в течение еще 5 минут после казни. Нам приходится каждые 3 месяца менять корзину, до такой степени они портят дно своими зубами. Это, видите ли, куча голов аристократов, которые не хотят умирать; я не удивился бы, если бы в один прекрасный день

она.

Мне кажется, ты могла бы сказать: граждане.

— Послушайте, господин сержант, не моя вина, что я так говорю, — ответила молодая девушка, — моя мать работала у важных господ и приучила меня быть вежливой, и я усвоила эту, признаюсь, дурную привычку, аристократическую. Что же делать, господин сержант, я не могу от нее отвыкнуть...

В ответе звучала незаметная ирония, которую понял только я. Я задавал себе вопрос, кто могла быть эта женщина.

Одно было несомненно: она не была дочерью прачки.

— Что со мною случилось, гражданин Альберт? Вот что случилось. Представьте себе, пошла отнести белье, хозяйки не было дома, я ждала ее, чтобы получить деньги. Черт побери! По теперешним временам каждому нужны деньги. Наступила ночь, а я, полагая вернуться засветло, не взяла пропуска и попала к этим господам, извините, я хотела сказать, гражданам, они спросили пропуск, у меня его нет, они хотели отвести меня на гауптвахту. Начала кричать, и как раз вы подошли, мой знакомый. Я сказала себе: так как господин Альберт знает, что меня зовут Соланж, что я дочь тетки Ледие, он поручится за меня, не правда ли, господин Альберт?

— Конечно, я ручаюсь за вас.

Хорошо, — сказал начальник патруля.

— А кто за вас поручится, господин франт?

Дантон. С тебя этого довольно? Как вы думаете, он хороший патриот?

— А, если Дантон за тебя ручается, то против этого ничего не напишешь.

Вот. Сегодня день заседаний в клубе кордельеров, идем туда.

Идем, — сказал сержант. — Граждане санкюлоты, вперед, марш!

Клуб находился в старом монастыре кордельеров, на улице Обсерванс. Через минуту мы дошли туда. Подойдя к двери, я вынул бумагу из портфеля, написал карандашом несколько слов, передал сержанту и попросил отнести Дантону; мы же остались под охраной капрала и патруля.

Сержант вернулся с Дантоном.

— Что это, — сказал он, — тебя арестовали, тебя? Тебя, моего друга и друга Камилля Тебя? — лучшего из существующих республиканцев! Позвольте, гражданин сержант, — прибавил он, обращаясь к начальнику санкюлотов, — я ручаюсь за него. Этого довольно?

— Ты ручаешься за него, А кто поручится за нее? — возразил упрямый сержант.

нает? У благородного патриота может быть честотка.

И, повернувшись, сказал: "Иду!" — тем мощным голосом, который поднимал и успокаивал толпу на улице. — Иду, подождите.

Он ушел в помещение клуба. Я остался у дверей с незнакомкой.

— Теперь, сударыня, куда проводить вас Я к вашим услугам.

— Ну, к тетке Ледие, — ответила она с смехом. — Вы ведь знаете, она моя мать.

— Но где она живет, тетка Ледие?

— Улица Феру, № 24.

— Пойдемте к тетке Ледие на улицу Феру № 24.

Мы пошли по улице Фоссе-Монсieur-ле-Пренс до улицы Фоссен-Жермен, по улице Пети-Лионь, потом по площади Сен-Сюльпис на улицу Феру. Всю дорогу мы шли, не обменявшись ни словом. Только теперь при свете Луны, которая взошла во всей своей красе, я мог свободно ее рассматривать.

То была прелестная особа 20 или 22 лет брюнетка с голубыми глазами, скорее умны ми, чем грустными, нос был прямой и тонко очерчен, насмешливые губы, зубы как жемчуг, руки королевы, ножки ребенка, и все это даже в вульгарном костюме тетки Ледие носило аристократический отпечаток, что и могло вызвать сомнение храброго сержанта и его воинственного патруля.

Мы подошли к двери, остановились и некоторое время молча смотрели друг на друга.

— Ну, что вы мне скажете, мой милый господин Альберт? — улыбнулась незнакомка.

— Хочу вам сказать, моя милая мадемуазель Соланж, что не стоило встретиться для того, чтобы так скоро расстаться.

Я прошу у вас тысячу извинений, очень стоило; если бы я вас не встретила, меня отвели бы на гауптвахту; узнали бы там, что я не дочь тетки Ледие, открыли бы, что я аристократка, и отрезали бы, вероятно, голову.

— Итак, вы сознаетесь, что вы аристократка?

— Я ни в чем не сознаюсь.

— Хорошо, скажите мне, по крайней мере, ваше имя.

— Соланж.

— Вы же знаете, я случайно назвал вас так, это не ваше настоящее имя.

— Ну что ж! Мне оно нравится, и я оставляю его за собою, для вас, по крайней мере.

— Зачем вас сохранять его для меня, когда нам не предстоит больше увидеться?

— Я этого не говорю. Я говорю только, что если мы и увидимся.

(Продолжение на 14-й стр.).